

Политика в фокусе

ИГИТЯН Мецо Юрьевич — преподаватель кафедры корпоративного и проектного управления, руководитель программ дополнительного профессионального образования факультета управления и политики Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел России (119454, Россия, г. Москва, пр-кт Вернадского, 76; metso-mail@gmail.com)

КИТАЙСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ИНТЕРЕСЫ РОССИИ

Аннотация. *Выгодное экономико-географическое и военно-стратегическое положение Центральной Азии, огромные природные и дешевые трудовые ресурсы делают регион объектом притяжения и соперничества для России, США, Китая, Турции и Европейского союза. Как представляется, Россия, как и Китай, и США, сегодня все еще находится в поиске оптимальной стратегии по отношению к региону. Стратегии России, Китая и США в Центральной Азии включают в себя активную экономическую политику и развитие энергоресурсного потенциала. Россия и США также рассматривают данную территорию в качестве важного геополитического форпоста, где у каждой из сторон есть свои национальные интересы и приоритеты. Последствия политики Китая по активизации собственного присутствия в регионе, использования энергетических ресурсов Центральной Азии и перспективы сухопутных транспортных и энергетических коммуникаций в КНР для вывоза товаров по мегапроекту «Великий шелковый путь» отражаются на национальных интересах России.*

Ключевые слова: *Центральная Азия, Великий шелковый путь, внешнеполитическая стратегия, энергетические ресурсы, Китай*

Распад СССР, безусловно, явился событием, положившим начало новому историческому этапу развития отношений между странами Центральной Азии и Китаем.

Центральная Азия (под которой ныне понимается территория бывших республик советской Средней Азии и Казахстана¹) является одним из стратегически важных регионов постсоветского пространства, значимым для России.

Центральная Азия стала важным объектом китайской внешней политики. Она была включена Пекином в так называемую сферу внешних стратегических рубежей КНР, которая непосредственно затрагивает его национально-государственные интересы. Как верно пишет китайский исследователь Ч. Цзюнь, «повышенный интерес ведущих и региональных государств к Центральной Азии определяется объективным и выгодным экономико-географическим и военно-стратегическим положением данного региона, а также богатейшими запасами минерального и энергетического сырья, дешевыми трудовыми ресурсами, транспортно-коммуникативными возможностями и потенциалом» [Цзюнь 2017].

В. Парамонов, С. Пейруз, А.С. Мавлонова, К.Л. Сыроежкин, А. Воробьев, А. Бараев, Е. Петелин, А.Г. Ларин и др., анализируя современные подходы Китая к Центральной Азии, приходят к выводу, что Китай менее других мировых держав заинтересован в глобальном контроле над регионом. Китаю интереснее вопросы, связанные с обеспечением региональной безопасности и внутренним сепаратизмом.

Значение государств Центральной Азии в мировой политической системе исследовал китайский ученый Ч. Цзюнь; В. Парамонов, Н. Фатох, З. Шарифуллоев, Е.М. Кузьмина, Р. Могилевский изучали состояние и пер-

¹ В январе 1993 г. во время ташкентской встречи на высшем уровне лидеры Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана подписали соглашение о том, что данные республики образуют регион Центральная Азия.

спективы внешней торговли и экономических отношений Китая и государств Центральной Азии. Сравнительный анализ энергетической стратегии КНР в отношении стран Центральной Азии представил М. Поштитч. Транспортные коридоры Южной Азии и Кавказа рассматривались в работах А. Ордабаева, М. Тураева, С.Л. Сазонова. Некоторые аспекты политики Китая в Центральной Азии затронул Л.Е. Васильев. Геополитические интересы России и Китая исследовались в диссертации Е.Б. Аюшиевой.

Для анализа предмета исследования автор применял общенаучные методы, основными из которых являются: системный подход и анализ, структурно-функциональный метод, методы систематизации и классификации, метод анализа и прогнозирования. Для проведения анализа ключевых интересов ведущих мировых акторов был задействован системный метод, который позволил рассмотреть политические, экономические и военно-стратегические интересы Китая в Центрально-Азиатском регионе как целостный, сложносоставной механизм.

Как отмечает В. Парамонов, «с обретением в 1991 году странами Центральной Азии национальной независимости, казалось бы, открылись широкие перспективы для развития взаимовыгодного экономического сотрудничества как с Китаем, так и с Россией. Логично было предположить, что, как и в период существования Великого шелкового пути, именно торговля могла бы стать локомотивом экономического подъема и процветания внутренних пространств Евразии» [Парамонов 2005: 2].

Китай стремится реализовать свою внешнеполитическую стратегию в регионе с учетом следующих своих основных национальных интересов.

1. *Обеспечение стабильности на своих беспокойных северо-западных границах и в пограничных районах.* Общая граница КНР со странами Центральной Азии протяженностью около 3 700 км выступает предметом особого внимания китайского руководства. Помимо «сепаратистского» Тайваня, именно с западного направления, как считают в Пекине, исходят в настоящее время основные угрозы стабильности, суверенитету и целостности КНР. В связи с этим американский исследователь С. Пейруз отмечает, что «интересы Китая в Средней Азии развивались поэтапно. В первой половине 90-х годов приоритетным направлением была демилитаризация границ и подписание договоров об их разграничении и предотвращение усиления сепаратизма в Уйгуре» [Пейруз 2009: 4].

Демократические свободы, получившие развитие в ряде государств Центральной Азии, создали благоприятные условия для деятельности уйгурских организаций различного толка. Как отмечает А.Н. Мавлонова, «наличие на территории Казахстана уйгурских националистических организаций было для Н. Назарбаева козырной картой в ходе переговоров с Пекином. Как раз именно в тот период Казахстан и Китай вели сложные переговоры по подписанию соглашения о межгосударственной границе» [Мавлонова 2015: 154]. Тем более что, как подчеркивал З. Бжезинский, «Китай обеспокоен тем обстоятельством, что его собственные тюркские меньшинства в провинции Синьцзян могут увидеть в новых среднеазиатских государствах привлекательный для себя пример, и, исходя из этих соображений, Китай стремится получить от Казахстана гарантии в том, что активность заграничных меньшинств будет подавляться» [Бжезинский 1998: 166].

Китай, допуская возможность развития отношений с Турцией, пристально отслеживает подрывные аспекты данной региональной стратегии Анкары [Кауа 2013: 16]. Пекин обеспокоен приливом тюркского национализма из стран Центральной Азии, что, по мнению А.А. Мкртычяна, связано с тем, что «сегодня, помимо США и Европы, Турция не может рассматривать, скажем,

Китай и Россию в качестве своих стратегических союзников, не говоря о теократическом Иране. В этих условиях Турция постепенно будет стараться реализовать собственную доктрину возрождения глобального турецкого полюса со ставкой на тюркский и постосманский мир» [Мкртычян 2014: 109].

Не случайно Китай держит в СУАР мощную военную группировку, которая определяется не только и не столько пограничным положением самой провинции, сколько необходимостью подавления любого этнополитического сопротивления уйгурских националистических групп [Сыроежкин 2008].

Как верно подчеркивает Е.Ф. Парубочая, «на современном этапе можно определенно говорить о попытках Турции не просто интегрировать постсоветские тюркские республики, а образовать тюркский мир, который рассматривался бы единым актором на мировой арене» [Парубочая 2016: 150]. Еще в 1992 г. президент Турции Т. Озал выдвинул тезис: «Тюркский мир станет доминирующим фактором на евразийском пространстве от Балкан до Китайской стены», провозгласив XXI столетие «веком турок» [Мехдиев 2016: 33]. Следовательно, угроза пантюркистского сепаратизма в определенном смысле имеет общие корни для Китая и России, что служит основанием общности интересов Пекина и Москвы в противодействии данному вызову.

2. *Развитие западных районов КНР и снижение разрыва в экономическом развитии прибрежных и внутренних районов за счет усиления торгово-экономического сотрудничества западных провинций со странами Центральной Азии и с Турцией.* В результате «Китай сегодня является главным внешнеэкономическим партнером Центральной Азии и основным инвестором экономик государств региона» [Политика Китая... 2017: 29]. По данным Министерства торговли КНР, в 1992 г. общий объем торговли с этим регионом составил 460 млн долл., а в 2015 г. этот показатель достиг уже 32,6 млрд долл.¹ Кроме этого, следует отметить, что одно из важных экономических направлений политики Китая в регионе – формирование зон свободной торговли в приграничных с КНР регионах [Воробьев 2017: 1].

Китаизация Центральной Азии беспокоит тюркские республики². Как отмечают специалисты, «от рецидивов стихийной китаизации не гарантирована Киргизия» [Ситнянский 2002: 11]. Эта угроза может стимулировать развитие интеграционных связей стран региона как с Россией (в сфере экономики, обороны и безопасности), так и с Турцией (в области укрепления тюркского национализма, этнокультурных связей и в качестве моста на Запад – США, ЕС, НАТО).

3. *Обеспечение гарантированного доступа к источникам энергии для своей растущей промышленности.* Как указывает Е. Петелин, «основным компонентом энергетической политики КНР в Центральной Азии с середины 1990-х гг. является стратегия “выхода за пределы” (*цзоу чуцзюй*), суть которой заключается во внедрении китайского капитала и технологий на международный рынок» [Петелин 2011: 35].

Одним из основных источников нефтяных и газовых поставок в Китай в пер-

¹ Ежегодный статистический справочник КНР. – *National Bureau of Statistics of China*. Доступ: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/> (проверено 19.06.2018).

² См., напр.: Бараев А. Тихая экспансия. Китаизация Таджикистана. – *Интернет-портал ЦентрАзия*. 21 июля 2016 г. Доступ: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1469122500> (проверено 11.05.2019); Hofman I. Politics or Profits along the “Silk Road”: What Drives Chinese Farms in Tajikistan and Helps them Thrive? – *Eurasian Geography and Economics*. 2016. Vol. 57. No. 3. P. 457-481; Фатох Н. Таджикистан – Китай. Экономическое сотрудничество или экономическое подневолье? – *Интернет-портал ЦентрАзия*. 15 февраля 2016. Доступ: <https://centrasia.org/newsA.php?st=145538260> (проверено 11.05.2019); Шарифуллов З. Великая китаизация Таджикистана продолжается. – *Интернет-портал ЦентрАзия*. 10 июня 2016. Доступ: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1465556820> (проверено 11.05.2019).

спективе может стать Казахстан. Главной сферой финансовых вложений Китая в казахстанский рынок выступает нефтегазовая промышленность. Туркменистан «является вторым ключевым энергетическим партнером Китая в регионе, а энергетика является наиболее приоритетной сферой двустороннего экономического сотрудничества» [Zhou 2011: 19]. Немаловажную роль для стимулирования развития сотрудничества в области энергетики «играют китайские инвестиции и кредиты. В частности, в 2013 г. объем предоставленных Китаем кредитов превысил 3 млрд долл.» [Ларин, Матвеев 2014: 9]. И здесь следует согласиться с мнением М. Потич о том, что «можно утверждать, что между Китаем и странами региона сложилась определенная взаимодополняемость экономических интересов: странам Центральной Азии необходимы китайские инвестиции для разработки своих месторождений нефти и газа, а также для развития соответствующих отраслей экономики; Китаю же нужны новые рынки сбыта для своей продукции, а также новые источники импорта энергоресурсов» [Поштитч 2015: 89]. Таким образом, энергетические ресурсы Центрально-Азиатского региона входят в круг особых интересов Пекина, и получение прямого доступа к ним – без контроля со стороны России – становится важной региональной задачей Китая, что противоречит российским национальным интересам.

4. *Формирование надежных транспортных коридоров для выхода на рынки стран СНГ и Европы.* «Прямое сообщение между центральными и западными регионами Китая с Центральной и Южной Азией позволит получить прямой доступ китайских товаров на рынки регионов и снизит транспортные издержки» [Ордабаев 2016: 10]. Что же касается транспортно-транзитной политики государств Центральной Азии, то, как отмечает М. Тураева, «основная задача транспортных проектов в Северной и Центральной Азии – это вывод стран региона в число транзитных государств и создание альтернативных мультимодальных коридоров, в основном по пути широтного направления “Восток – Запад” (условного маршрута “Китай–Европа”), а также по меридиональному направлению “Север – Юг”» [Тураева 2017].

Напомним, что у КНР уже есть выход на Казахстан через железнодорожную станцию «Дружба» и автомобильную дорогу через КПП «Хоргос», а также имеются планы провести железную дорогу протяженностью 296 км от станции Цзиньхэ Северо-Синьцзянской железнодорожной магистрали до города Кульджи и далее до КПП «Хоргос» [Сазонов 2017]. Формирование транспортных коридоров в обход России также противоречит ее национальным интересам.

5. Другим направлением, в значительной степени определяющим внешнеполитическую деятельность КНР в регионе, является стремление за счет распространения своего влияния в Центральную Азию *оказывать противодействие однополярной системе и доминирующему положению США на экономическом, политическом и военном уровнях.*

Действительно, как отмечают специалисты¹, в последние годы Китай, все увереннее набирающий экономическую и военную мощь, становится одним из ведущих геополитических действующих игроков, оказывающим растущее влияние на развитие ситуации в регионе [Васильев 2015]. Вместе с тем стоит отметить, что в первой половине 1990-х гг. Китай не проявлял заметной активности в Центрально-Азиатском регионе. Установив дипломатические отношения с государствами Центральной Азии в 1992 г., Пекин был заинтересован прежде всего в сохранении политической стабильности в СУАР. Однако проявившиеся

¹ Влияние Китая на Европу и Центральную Азию. Доклад об экономике региона Европы и Центральной Азии. Офис главного экономиста по региону. Международный банк реконструкции и развития. Всемирный банк. 2016.

в последующем политические реалии в Центральной Азии (нарастание угрозы исламского фундаментализма, борьба за углеводородные ресурсы региона, поиски государствами региона внешних партнеров и т.д.) побудили Пекин перейти к более активной политике и со второй половины 1990-х гг. усилить свое влияние в данном регионе.

Во внешнеэкономических связях с КНР лидирует Казахстан, Узбекистан и Кыргызстан. Китай стал вторым по важности экспортным рынком для таких государств Центрально-Азиатского региона, как Казахстан и Кыргызстан [Кузьмина 2013].

Как отмечают эксперты Института Азиатского банка развития (ИАБР), «торговля между Центральной Азией и странами Восточной Азии (Китайская Народная Республика [КНР], Япония и Южная Корея) начала приобретать значение лишь в последнем десятилетии, хотя ее объемы все еще меньше объемов торговли с Европейским союзом» [Связи... 2015: 19].

Как представляется, сегодня в целом центральноазиатско-китайские экономические связи следует больше анализировать под углом стратегии и перспектив, которые имеют огромные потенциальные возможности: «практически все центральноазиатские страны имеют амбициозные планы перехода от экспорта сырья к экспорту продукции/услуг с более высокой долей добавленной стоимости. Наиболее естественными рынками для таких товаров и услуг являются соседние страны. С этой точки зрения представляется, что региональная торговая политика должна занимать важное место в политической повестке дня стран Центральной Азии» [Могилевский 2012: 53].

Необходимо отметить, что «американские эксперты в целом довольно единодушно оценивают китайскую политику в регионе, характеризуя ее как намного более успешную, чем аналогичная политика западных стран» [Михайлов 2016: 94].

Как отмечает Д. Манкофф, сегодня США должны «осознать, что Россия и Китай – соседние державы с прочными экономическими и политическими связями в этом регионе – всегда будут иметь здесь более широкие интересы и что в многополярной Центральной Азии XXI века возрождение стратегического соперничества по типу “игры с нулевой суммой”, как в 1990-х, ни в коей мере не поможет излечить распространенные здесь социальные болезни» [Манкофф 2013: 41].

В целом, несмотря на то что внешнеторговый оборот КНР с Центральной Азией еще не достигает потенциально возможных объемов, в сложившемся балансе интересов в регионе между КНР, Россией и США Китай прочно занимал одну из трех стратегических ниш, а именно товарно-сырьевую, осуществляя в регион экспорт своих товаров и импорт сырьевых ресурсов.

Появление в нулевых годах военных баз США и их союзников на территории Кыргызстана и Узбекистана вызвало настороженность Китая, т.к. «Китай, опять же в отличие от России, не стремится обеспечить свое военное присутствие в Центральной Азии, расположив здесь военные базы» [Rumer, Sokolsky, Stronski 2016]. Некоторые китайские эксперты открыто заявили, что эти базы в отдаленной перспективе направлены против Китая и что операция в Афганистане является лишь поводом для сосредоточения военной инфраструктуры США у западных границ КНР. Кроме этого, в Китае «в действиях Вашингтона по дестабилизации обстановки на Ближнем Востоке и в Центральной Азии видят прямую угрозу национальной безопасности КНР» [Rumer, Sokolsky, Stronski 2016].

Изменение геополитической ситуации в Центральной Азии после 11 сентября, усиление позиций и военное присутствие США в Центральной Азии в

2001–2013 гг. входят в противоречие с планами Китая по всем вышеперечисленным пунктам национальных интересов.

Во-первых, как верно отмечает Е.Б. Аюшиева, «военное присутствие иностранных держав в непосредственной близости от Синьцзяна создает потенциальную угрозу национальной безопасности и территориальной целостности Китая» [Аюшиева 2003].

Во-вторых, в результате укрепления США в регионе реально появились условия, препятствующие реализации программы развития западных районов КНР.

В-третьих, Китай, который чрезвычайно заинтересован в энергоресурсах стран Центральной Азии (в первую очередь в казахстанской нефти), не может не тревожить тенденция закрепления Вашингтона на богатых месторождениях региона, особенно в зоне Каспийского бассейна, с перспективой монополизации этой сферы и закрепления за собой права определения направлений, масштабов и способов транспортировки энергетических ресурсов на мировые рынки. Такая перспектива несет потенциальную угрозу энергетической безопасности Китая.

Все эти факторы в совокупности делают геополитическое положение КНР в Центральной Азии на современном этапе более активным. Китайский специалист по международным проблемам Янь Сюэтунь писал по этому поводу, что «основной точкой опоры для китайской внешней политики и дипломатии должны стать периферийные регионы (Восточная, Южная и Центральная Азия)» [Янь Сюэтунь 2000: 49].

Таким образом, Китай фактически столкнулся с новыми и беспрецедентными для себя вызовами безопасности. В этом контексте можно отметить, что в перспективе два основных фактора могут в значительной степени определять новую политику Китая в Центральной Азии. С одной стороны, это усиление позиций США в регионе, с другой – определенные тенденции сближения России и Китая.

Необходимо иметь в виду, что политика КНР в отношении региона во многом будет определяться и детерминироваться характером взаимоотношений Китая с США и Россией. Без активного участия Китая или, по крайней мере, без учета его интересов в обеспечении безопасности и стабильности ни одна система региональной безопасности в Центральной Азии не будет достаточно действенной и перспективной.

Китай будет постоянно искать партнеров (прежде всего, в лице России) для противовеса Америке и попытается наращивать свое присутствие в Центральной Азии.

Нынешнее положение российско-американских отношений в связи с украинским кризисом облегчают Пекину задачу партнерства с Россией. Экономические контракты с Москвой в сфере энергетики и транспорта свидетельствуют об огромном потенциале данного партнерства. Однако в этом партнерстве Китай имеет более предпочтительные возможности с точки зрения как положения в международных отношениях, так и уровня экономического развития. КНР вряд ли присоединится к ЕАЭС, т.к. планирует развивать свой амбициозный проект Великого шелкового пути, что может со временем перетянуть реальных и потенциальных партнеров России по тому же ЕАЭС (включая и страны Центральной Азии).

Таким образом, Китай испытывает особый интерес к данному региону в контексте возрастающих экономических интересов, ресурсных потребностей, транзитных перспектив и вопросов безопасности. Китай заинтересован в сохранении нескольких относительно независимых государств в Центральной Азии, но не имеет возродившую и сильную Россию. Новые государства региона

служат для Пекина неким буфером между ним и Россией. Вместе с тем Китай беспокоят процессы роста тюркского национализма в собственной провинции Синьцзян, где уйгуры могут увидеть в центральноазиатских республиках привлекательный для себя пример.

Китай в Центральной Азии предпочитает исключить доминирующую роль России и региональные амбиции Турции. ШОС в планах Пекина должен в определенном смысле консервировать существующие внутривосточные и межэтнические проблемы стран Центральной Азии, обеспечить бесконфликтный процесс трансформации авторитарной власти местных элит после естественного ухода нынешних лидеров государств региона, являющихся воспитанниками советской эпохи и ориентированных на светскую политическую систему.

При этом стоит напомнить и о том, что в декабре 2015 г. Китай уже апробировал центральноазиатский маршрут транспортировки собственных товаров через Казахстан, Каспийское море, Азербайджан, Грузию и Турцию в Европу, т.е. в обход России. Иными словами, США намерены, поддерживая амбициозный проект Китая, обеспечить геополитический альянс с Пекином против Москвы в Центральной Азии. Если в первой половине нулевых годов США применяли в отношении Китая в Центральной Азии доктрину сдерживания, то с провалом американской политики в Узбекистане и Кыргызстане Вашингтон изменил свою политику в пользу конструктивного сотрудничества и активного вовлечения Пекина в центральноазиатские дела против интересов России. Как верно отмечает в этой связи А. Гусарова, «приоритеты США в Центральной Азии, обозначенные в доктрине Толботта и Акте о Стратегии Шелкового пути 1997 года, остаются актуальными и на современном этапе – энергетика, безопасность и демократизация»¹.

Тем не менее американская доктрина по энергетической и экономической интеграции стран Центральной Азии с Южной Азией так или иначе нацелена и на сдерживание Китая в региональных делах, что объективно создает условия для развития российско-китайского партнерства. При решающей роли Москвы и Пекина была создана ШОС, которая может стать основой российско-китайского геополитического союза. Однако судьба данного союза во многом будет зависеть от того, насколько Россия будет способна самостоятельно решать вопросы сохранения геополитического преимущества в Центральной Азии (например, в формате ЕАЭС и ОДКБ).

Таким образом, говоря об актуальной стратегии Китая в Центрально-Азиатском регионе, следует выделить следующие наиболее важные ее элементы. Китай рассматривает Центральную Азию как:

- перспективный рынок сбыта товаров и альтернативный выход к международным транспортным коридорам;
- важный источник энергетических ресурсов, «необходимых для обеспечения потребностей развивающейся стремительными темпами китайской экономики» [Арсентьева 2014: 86];
- территорию, играющую «стратегически важную роль как в обеспечении национальной безопасности современного Китая, так и в его становлении в качестве великой мировой державы» [Васильев 2015: 110].

В настоящий момент первоочередной задачей внешней политики Китая в Центральной Азии, так же как и столетия назад, является «поддержание безопасности и стабильности на своих западных рубежах, или то, что сейчас назы-

¹ Гусарова А. США и Центральная Азия: какой будет политика администрации Д. Трампа? – *Central Asian Bureau for Analytic Reporting «CABAR»*. Доступ: <https://cabar.asia/ru/anna-gusarova-ssha-i-tsentralnaya-aziya-kakoj-epizod-stanet-vazhnym-dlya-d-trampa/> (проверено 11.05.2019).

вается борьбой против “трех зол” – международного терроризма, национального сепаратизма и религиозного экстремизма» [Ануфриев 2009: 156].

Стратегии трех мировых держав – России, Китая и США – в Центральной Азии имеют как общие, так и особенные черты. К общим трендам мы можем отнести в первую очередь экономическую политику. Все три государства заинтересованы в выстраивании взаимовыгодных торгово-экономических отношений с регионом. США и Китай заинтересованы в Центральной Азии с точки зрения ее энергоресурсного потенциала. В то же время Россия и США рассматривают данную территорию и в качестве важного геополитического форпоста, где у каждой из сторон есть свои национальные интересы и приоритеты. Китай на сегодняшний день отказывается от прямого военного присутствия в регионе, делая ставку на рычаги экономического воздействия, в первую очередь в рамках ШОС. В результате, как отмечают западные эксперты, «сегодня Центральноазиатский регион понимается как движущая сила, обеспечивающая “мирный подъем Китая” (чункуа хэпин чуэши)» [Goldstein 2005].

Как представляется, Россия, как и Китай, и США, сегодня все еще находится в поиске оптимальной стратегии по отношению к региону. Как отмечают ведущие российские эксперты, «политика России является ситуативной, скорее реагирующей на действия других геополитических игроков, чем превентивной. Инвестиционная деятельность российского бизнеса носит по объективному и субъективному причинам единичный характер. Наблюдается тенденция к экстраполяции соперничества со странами Запада на государства Центральной Азии» [Интересы России... 2013: 6].

Таким образом, мы можем говорить о том, что в ближайшей перспективе Центральная Азия будет оставаться в центре внимания ведущих мировых держав в качестве одного из ключевых геополитических регионов, влияние на который может определить дальнейшие пути развития того или иного государства. При этом, безусловно, следует учитывать и тот факт, что уже в самое ближайшее время в Центрально-Азиатском регионе могут появиться новые акторы, способные серьезно повлиять на ситуацию.

Список литературы

Ануфриев К.С. 2009. Центральная Азия во внешней политике Китая: историческая ретроспектива. – *Вестник Томского государственного университета*. № 324. С. 155-157.

Арсентьева И.И. 2014. Политика Китая в Центральной Азии и стратегия России. – *Известия Саратовского университета*. Новая сер. Сер. История. Международные отношения. Т. 14. Вып. 2. С. 85-89.

Аюшиева Е.Б. 2003. *Геополитические интересы России и Китая в Центральноазиатском регионе*: автореф. дис. ... к.полит.н. М. 20 с.

Бжезинский З. 1998. *Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы* (пер. О.Ю. Уральской). М.: Международные отношения. 255 с.

Васильев Л.Е. 2015. Некоторые аспекты политики Китая в Центральной Азии. – *Китай в мировой и региональной политике. История и современность* (отв. ред.-сост. Е.И. Сафронова). № 20(20). С. 104-118.

Воробьев А. 2017. Китай и Центральная Азия: растущая дружба под боком России. – *Российский Совет по международным делам*. Доступ: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kitay-i-tsentrlnaya-aziya-rastushchaya-druzhba-pod-bokom-rossii-/> (проверено 11.05.2019).

Интересы России в Центральной Азии: содержание, перспективы, ограничители. (рук. В.В. Наумкин и др.; гл. ред. И.С. Иванов). РСМД. 2013. М.: Спецкнига. 65 с.

- Кузьмина Е.М. 2013. *Внешние экономические интересы как фактор экономического развития Центральной Азии*: научный доклад. М.: Институт экономики РАН. 59 с.
- Ларин А.Г., Матвеев В.А. 2014. Китайская стратегия «продвижения на Запад» и «новый Шелковый путь». — *Проблемы Дальнего Востока*. № 5. С. 5-15.
- Мавлонова А.С. 2015. *Проблема уйгурского сепаратизма в контексте обеспечения региональной безопасности в Центральной Азии*: дис. ... к.и.н. М. 221 с.
- Манкофф Д. 2013. Политика США в Центральной Азии после 2014 года. — *Pro et Contra*. Январь – апрель. С. 41-57.
- Мехдиев Э.Т. 2016. «Неоосманизм» в региональной политике Турции. — *Вестник МГИМО-Университета*. № 2(47). С. 32-39.
- Михайлов С.А. 2016. Уйти, чтобы остаться: политика США в Центральной Азии в контексте сокращения американского присутствия в Афганистане. — *Проблемы национальной стратегии*. № 1(34). С. 89-108.
- Мкртычян А.А. 2014. Особенности внешнеполитической стратегии и ближневосточная политика Турции в условиях геополитических трансформаций. — *Турция: новые реалии во внутренней политике и участие в региональных геополитических процессах*: материалы международной конференции, г. Москва, 2 апреля 2014 г. (под ред. В.А. Аваткова, С.Б. Дружиловского, А.В. Федорченко). М.: МГИМО(У).
- Могилевский Р. 2012. *Тенденции внешней торговли стран Центральной Азии*. Институт государственного управления и политики. Доклад № 1. 60 с.
- Ордабаев А. 2016. *Транспортные коридоры Южной Азии и Кавказа*. Институт мировой экономики и политики при Фонде Первого Президента Республики Казахстан – Лидера Нации. Астана. 48 с.
- Парамонов В. 2005. *Китай и Центральная Азия: состояние и перспективы экономических отношений*. Conflict Studies Research Centre, 05/25(R). 23 с.
- Парубочая Е.Ф. 2016. Интеграция тюркского мира на современном этапе. — *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. № 6(68). В 2 ч. Тамбов: Грамота. Ч. 1. С. 147-151.
- Пейруз С. 2009. *Центральная Азия и Китай: растущее партнерство*. Рабочий доклад EUCAM. № 4. 18 с.
- Петелин Е. 2011. Энергомоналог Китая в Центральной Азии. — *Индекс безопасности*. № 4(99). Т. 17. С. 35-57.
- Политика Китая в Азии и интересы России: доклады РИСИ. 2017. — *Проблемы национальной стратегии*. № 5(44). С. 11-53.
- Поштитч М. 2015. Сравнительный анализ энергетической стратегии КНР в отношении стран Центральной Азии. — *Comparative Politics*. № 3(20). С. 85-103.
- Сазонов С.Л. 2017. Центральноазиатское направление транспортной стратегии Китая. — *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. № 22. С. 274-288.
- Связи Центральной Азии с глобальными экономическими центрами*: исследование Института Азиатского банка развития. 2015. 124 с.
- Ситнянский Г.Ю. 2002. Тринадцатый миф о Центральной Азии. — *Исследования по прикладной и неотложной этнологии*. № 148. 3-20 с.
- Сыроежкин К.Л. 2008. *Китай: военная безопасность*: монография. Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте РК. 268 с.
- Тураева М. 2017. Основные транспортные проекты в Северной и Центральной Азии в контексте создания общего Евразийского экономического пространства. — *Укрепление региональной интеграции развивающихся стран Северной и Центральной Азии, не имеющих выхода к морю, посредством соединяемости*

инфраструктуры»: материалы международной конференции. Иссык-Куль, Кыргызстан. 6-7 сентября.

Цзюнь Ч. 2017. Значение государств Центральной Азии в мировой политической системе. — *Управленческое консультирование*. № 3. С. 164-171.

Янь Сюэтуан. 2000. Чжунго вайцзяо сю лицзу чжоубянь. — *Ляован*. № 11.

Goldstein A. 2005. *Rising to the Challenge: China's Grand Strategy and International Security*. Stanford: Stanford University Press. 288 p.

Kaya K. 2013. *Turkey and China: Unlikely Strategic Partners*. FMSO.

Rumer E., Sokolsky R., Stronski P. 2016. *U.S. Policy toward Central Asia 3.0*. Carnegie Endowment for International Peace.

Zhou P. 2011. *China's Energy Import Dependency: Status and Strategies*. Nanjing, China: College of Economics and Management & Research Center for Soft Energy Science.

IGITYAN Metso Yur'evich, Lecturer at the Chair of Corporate and Project Management, Coordinator of Personal Development Programs, School of Governance and Politics, Moscow State Institute of International Relations, University of the Ministry for Foreign Affairs of Russia (76 Vernadskogo Ave, Moscow, Russia, 119454; metsomail@gmail.com)

CHINESE FOREIGN POLICY IN CENTRAL ASIA AND RUSSIA'S INTERESTS

Abstract. Advantageous economic-geographical and military-strategic position of Central Asia, huge natural resources and cheap labor resources along with transport-communicative opportunities, make the region an object of attraction for Russia, the US, China, Turkey and the European Union. China is trying to activate its own presence in the region. At the same time, the energy resources of Central Asia and the prospect of overland transport and energy communications to the People's Republic of China for the export of goods under the megaproject «The Great Silk Road» are a priority in the regional strategy of Beijing.

Keywords: Central Asia, Great Silk Road, foreign policy strategy, energy resources, China
